УДК 94(571.6+510)

DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).40-53

ДВР и Маньчжоу-Го: исторические параллели

А.П. Суходолов

Байкальский государственный
университет,
Иркутск, Российская Федерация

А.В. Лебедева

Байкальский государственный
университет,
Иркутск, Российская Федерация

Дата поступления:

10.06.2019

Дата принятия к печати:

23.08.2019

Дата онлайн-размещения:

3.10.2019

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт государственного и правового строительства, международный статус возникших на геополитическом пространстве первой половины XX столетия политических феноменов — ДВР и Маньчжоу-Го, известных как непризнанные и марионеточные государства или буферные зоны. Используются такие критерии исследования непризнанных государств, как исторические предпосылки возникновения и этапы формирования, внутреннее устройство и формирование институтов государственности, контроль над собственной территорией, международное признание. Особое значение уделено международным связям с Китаем, ставшим ареной внешнеполитических интересов стран Тихоокеанского региона. Сделан вывод о существовании общих идей и закономерностей возникновения и развития подобных государственных образований. Дальневосточную республику можно считать прообразом Маньчжоу-Го, а «буферизм» уникальной чертой, присущей дальневосточной политике XX в.

Ключевые слова. Дальневосточная республика, Маньчжоу-Го, Азиатско-Тихоокеанский регион, буферные зоны, непризнанные государства.

远东共和国与满洲国：历史上的平行线

Sukhodolov A.P.

贝加尔国立大学
伊尔库茨克，俄罗斯联邦

摘要。 本文章探讨了国家与法制建设的历史经验，以及20世纪上半叶地缘政治空间中出现的国际地位问题——远东共和国和满洲国，被称为未被承认的傀儡国家或缓冲区。使用了未被承认的国家的研究标准，例如创建和形成阶段

Lebedeva A.V.

Байкал国立大学

Иркутск, 俄罗斯联邦

结稿日期: 2019年6月10日

出版日期: 2019年8月23日

网上出版日期: 2019年10月3日

的历史先决条件, 内部制度和国家机构的建设, 对自己领土的控制以及国际认可。特别重视与中国的国际关系, 中国已成为太平洋地区各国外交政策的舞台。得出的结论是, 存在着形成和发展这种国家实体的共同思想和模式。远东共和国可以被认为是满洲国, 而“缓冲主义”是远东二十世纪政策的一个独特特点。

关键词。 远东共和国, 满洲国, 亚洲太平洋地区, 缓冲地带, 未被承认的国家。

FER and Manchzhou-Go: Historical Parallels

Sukhodolov A.P.

Baikal State University,

Irkutsk, Russian Federation

Lebedeva A.V.

Baikal State University,

Irkutsk, Russian Federation

Received: June 10 2019

Accepted: August 23 2019

Available online: October 3 2019

Abstract. The article examines historical experience of the state and legal construction, the international status of the two political phenomena, that came to life on the geopolitical space in the first half of the 20th century, – Far Eastern Republic (FER) and Manchzhou-Go, known as non-recognized and puppet states or buffer zones. It uses such criteria of studying non-recognized states as historical prerequisites of establishment and stages of formation, internal structure and formation of statehood institutions, control over its own territory, international recognition. It pays particular attention to international ties with China which became an area of foreign-political interests of the Pacific Region countries.

The article makes a conclusion of existence of common ideas and regularities in arising and development such state formations. The Far Eastern Republic can be regarded as a prototype of Manchzhou-Go, while the «bufferism» as a unique feature inherent to the Far Eastern policy of the XX-th century.

Key words. Far Eastern Republic, Manchzhou-Go, Asian-Pacific Region, buffer zones, non-recognized countries.

Небольшая, но очень яркая история Дальневосточной республики (ДВР), просуществовавшей всего два года и восемь месяцев, вызывает интерес многих исследователей и порождает серьезные научные дискуссии. До сих пор разные группы исследователей не могут выработать консолидирующую позицию по вопросу: какова была истинная природа ДВР — удачный политический маневр, обусловленный необходимостью восстановления единства и геополитических позиций ослабленной гражданской войной страны или неудачная попытка построения независимой республики со смешанной экономикой, совмещающей в себе социалистические и буржуазные начала.

Так или иначе это детище российской революции оставило заметный след в российской истории, отражение которого можно наблюдать в эволюции государственно-экономической мысли

в Сибири и на Дальнем Востоке, в особом характере народа и историческом проявлении «сибирской души». Создание буферного государства зажгло на этой территории искру независимости, а вместе с тем, способствовало определению дальнейшего вектора уникального и самобытного развития данного региона [1].

Интересным представляется тот факт, что идея создания буфера вынашивалась и в японском правительстве ещё во времена колчаковской диктатуры [2]. И в этом смысле ДВР можно рассматривать как некий прообраз будущего государства Маньчжоу-Го. Вот что писал по этому поводу командующий всеми вооружёнными силами Дальнего Востока В.Г. Болдырев в книге «Директория. Колчак. Интервенты»: «У Японии были веские основания к созданию в крайнем случае буферного государства для непосредственной защиты

Рис. 1. Карта Дальневосточной республики (экспозиция Хабаровского музея)

Рис. 2. Официальная символика Дальневосточной республики (флаг, герб)

Рис. 3. Значок «Чита — столица ДВР» выпущен в 1920-х гг.

находящихся под ее влиянием Кореи и Маньчжурии от большевистской заразы»¹. Не суждено было реализоваться этим замыслам в то время, однако спустя 12 лет японскими оккупационными силами на территории Северо-Восточного Китая, в Маньчжурии, было создано государственное образование Маньчжоу-Го, которое также иногда называют «буферным государством».

Позднее, в 1941 г., как следует из материалов развединформации Харбинской резидентуры НКГБ СССР, станет известно об антисоветских планах вторжения Квантунской армии на бывшие территории ДВР и создания в их рамках буферного государства по образу Маньчжоу-Го во главе с атаманом Семёновым². Таким образом, идея создания подобных зон была в то время востребована в японских правительственных кругах, а «буферизм» являлся уникальной чертой, присущей дальневосточной политике первой половины XX в.

Принципиально важный аспект, объединяющий государственную природу Дальневосточной республики и Маньчжоу-Го, заключается в попытке приблизить данные образования к модели «идеального государства». Так, например, известно высказывание министра торговли ДВР С.Я. Гроссмана, который заявил, что «эта буферная республика является идеалом правового государства» [3, с. 18]. Несогласие с данным положением подробно представлено в монографии совет-

ского и российского учёного В.В. Сониного «Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.)». Республика лишь стояла на пути становления такого государства, но сдерживающими факторами были интервенция и гражданская война.

Фундаментом «государства» Маньчжоу-Го являлся принцип «Ван-Дао»³, выражающий конфуцианскую политическую мысль об идеале государственного управления. Таким образом, японскими силами провозглашалась идеальное государство пяти наций: монголов, маньчжуров, китайцев, корейцев и японцев. В научной литературе также можно встретить интересную мысль о том, что Маньчжоу-Го было первым среди подобных образований и создавало «образец идеального государства» для «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания» [4, с. 104]. Однако можно ли говорить о достижении задач государственного идеала, в то время как ряд исследователей ставят под сомнение существование полноценной государственности и самостоятельности Дальневосточной республики и Маньчжоу-Го и относят их к категории «непризнанных государств» [5–7]?

Принимая во внимание идейную последовательность, сложившиеся многогранные исторические связи России, Японии и Китая — крупнейших стран Азиатско-Тихоокеанского региона, представляется интересным изучение государственной и правовой систем, а также международного статуса таких политических образований, как ДВР и Маньчжоу-Го, в контексте исторических условий, предшествовавших их появлению.

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Центрполиграф, 2017. URL: <https://books.google.ru/books?id=w9UsDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

² Сообщения харбинской резидентуры НКГБ СССР относительно японских планов создания на советском Дальнем Востоке буферного государства. URL: <http://www.warmech.ru/jap/fs6.html>.

³ ВАН ДАО // Новая философская энциклопедия : электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45d32a2c2c5ae35a140>.

Рис. 4. В апреле 1920 г. в Верхнеудинске состоялся 1-й Учредительный съезд Дальневосточной республики. На снимке, сделанном в период работы Съезда, запечатлены его делегаты и члены будущего Правительства ДВР, livejournal.com

Рис. 5. Делегаты 1-го Учредительного съезда Дальневосточной республики и основные лозунги того периода. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ), апрель 1920 г.

Рис. 6. Знаменная группа 1-го Читинского полка Народно-революционной армии Дальневосточной республики на параде во Владивостоке. Октябрь, 1922 г. foto-history.livejournal.com

В научной литературе [8–10] можно найти множество интерпретаций, посвященных феномену непризнанных государств, однако рассматривая данное понятие в правовой плоскости, нельзя не согласиться с мнением, что непризнанным следует считать государство, «лишенное международной правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности» [10, с. 184].

В различных научных работах можно встретить различные термины для определения подобных территориальных образований, среди которых – «непризнанные территории», «квазигосударства», «марионеточные» и «самопровозглашенные государства» [8–10]. Отсутствие единого подхода и понятийно-категориального аппарата затрудняет применение тех или иных определений к территориям, однако в данной статье мы не ставим задачу комплексного анализа основных понятий и типологии непризнанных государств, а лишь пытаемся применить уже сформулированные научные критерии к изучению ДВР и Маньчжоу-Го.

Рис. 7. Главнокомандующий войсками Народной революционной армии Дальневосточной республики И. Уборевич на митинге, посвященном освобождению Приморья. Владивосток, октябрь 1922 г. Фото: РИА Новости

Наш анализ с использованием метода сравнительного государственоведения позволит увидеть общие идеи и закономерности возникновения и развития подобных государственных образований, а также специфические особенности, присущие каждому из них в отдельности.

В качестве критериев комплексного исследования непризнанных государств можно выделить следующие:

- 1) исторические предпосылки возникновения и этапы формирования;
- 2) внутреннее устройство и формирование институтов государственности;
- 3) контроль над собственной территорией;
- 4) международное признание.

Взглянув сквозь призму истории на процессы формирования ДВР и Маньчжоу-Го (таб. 1, 2), можно прийти к выводу, что именно политические и стратегические цели субъектов мировой политики нередко приводят к изменениям геополитического пространства, превращая его в шахматную доску, на которой появляются новые территории.

Рис. 8. Государственные кредитные билеты, выпущенные Правительством Дальневосточной республики, 1920 г.

Таблица 1.

Этапы формирования ДВР

Январь-ноябрь 1920 г.	Возникновение буферных образований на территории Прибайкалья и Дальнего Востока
Ноябрь 1920 г. — апрель 1921 г.	Создание единой ДВР
Апрель 1921 г. — июнь 1922 г.	Принятие Конституции ДВР, формирование государственных институтов
Июнь-ноябрь 1922 г.	Воссоединение ДВР с РСФСР

Таблица 2.

Этапы формирования Маньчжоу-Го [7]

1931 г.	Оккупация Маньчжурии
29 февраля 1932 г.	Всеманьжурский объединенный съезд по созданию Маньчжоу-Го
1 марта 1932 г.	Опубликование Декларации «Об образовании Маньчжоу-Го»
1932 — 1934 гг.	Вступление Пу И в должность «Верховного правителя», формирование законодательной базы и государственного устройства
1945 — 1948 гг.	Присоединение Маньчжоу-Го к КНР

Так 6 апреля 1920 г. от Байкала до Тихого океана было провозглашено новое государственное образование — Дальневосточная республика. «О, это была веселая республика — ДВР!» именно так описал её в своём романе «По ту сторону» советский писатель и журналист Виктор Кин. К принятию данного решения Советское правительство привела, в первую очередь, необходимость восстановления народного хозяйства страны. Развитие военного конфликта на Западе с Польшей, а также угроза натиска со стороны Японии представлялись трудными испытаниями для государства, а провозглашение буфера рассматривалось как защита от притязаний японских милитаристов на создание дальневосточных территорий под её протекторатом. Нельзя не принимать во внимание и геополитический аспект создания ДВР, поскольку такой дипломатический шаг Совет-

ской России позволил сыграть на противоречиях между Японией и США, которые теперь могли рассматривать Дальневосточную республику как партнёра, придерживаясь антисоветской позиции, а советское государство получало возможность для переговоров с капиталистическими государствами, используя «буферное прикрытие», как бы снимая идеологические препятствия.

Следует отметить, что сам термин «буферная зона» редко используется в отечественной науке, тем не менее, некоторые авторы определяют его как территорию, «находящуюся между противостоящими центрами силы, выполняющую функцию «компенсирования», смягчения давления одного субъекта по отношению к другому» [11, с. 45]. Перед Дальневосточной республикой, провозгласившей себя суверенным государством и ставшей

Рис. 9. Карта-схема Маньчжоу-Го

Рис. 10. Официальная символика Маньчжоу-Го (флаг, герб)

буферной зоной между РСФСР и Японией, стояли важные политические, экономические, военные и административные задачи, путь реализации которых был весьма затруднён, поскольку «молодому государству» необходимо было укрепить свои позиции на международной арене и добиться официального признания мирового сообщества.

Не менее интересной представляется история Маньчжоу-Го. Стремления Японии стать ведущей державой на Дальнем Востоке, а также сделать первый шаг к широкомасштабной колониальной политике объясняли её особые интересы в Маньчжурии. В результате использования железнодорожных концессий, финансового и таможенного контроля основные экономические ресурсы Южной Маньчжурии оказывались в сфере влияния Японии. В японских правительственных кругах считалось, что Маньчжурия может стать ключом к решению внутренних и внешних проблем, поскольку господство над данной территорией открывало доступ к богатейшим ресурсам, давало возможность использовать её как плацдарм для военных и политических действий в дальневосточных районах. Кроме того, Маньчжурия, где нашли убежище после Гражданской войны [12] десятки тысяч белоэмигрантов из Советской России, рассматривалась японцами в качестве своеобразной защиты от коммунистического движения, идеологической и организационной платформой для реализации идеи создания паназиатского государства [4, с. 104].

Отделив Маньчжурию от Китая, Япония стала решать задачу придания законности своей экспансии. Это решение виделось в идее реализации «народной воли» путём создания нового государства. 29 февраля 1932 г. на Всеманьчжурском объединённом съезде в Мукдене было принято решение о создании Маньчжоу-Го со столицей в г. Синьцзин [7, с. 78].

Можно ли утверждать, проводя параллель с ДВР, что новое «государство» могло выполнять функции буферной зоны в советско-японских отношениях? С одной стороны, для Японии Маньчжоу-Го обеспечивало государственную безопасность от коммунистических движений, однако для Советского государства Маньчжоу-Го, которое было полностью подконтрольно японским силам и фактически стало частью Японской империи, можно считать буфером лишь номинально, как ДВР для Японии в 1922 г.

Курс построения государственной системы и социально-экономического развития ДВР предполагал использование советских и буржуазных принципов, поэтому для реализации поставленных перед буфером задач необходимо было создать эффективную законодательную базу и верховные органы власти.

Учредительное собрание, в состав которого было избрано 427 депутатов — представителей различных политических сил Дальнего Востока, в очень короткое время, уже 27 апреля 1921 г. разработало Основной закон (Конституцию) ДВР,

Рис. 11. Столица Маньчжоу-Го — Синьцзин (ныне Чанчунь). Снимок 1930-х гг.

Рис. 12. Военнослужащий Маньчжоу-Го на границе с СССР. Снимок 1939 г.

уникальным образом сочетавший в себе опыт капиталистических и советских стран и определивший основные концепции строительства Дальневосточной республики [3].

Особенность Основного закона ДВР заключалась в том, что центральное положение, ядро всей правовой системы занимали личные права и свободы граждан. ДВР по форме правления представляла собой демократическую парламентскую республику. Таким образом, создание государства являлось результатом подлинной народной демократии, где верховная власть принадлежала исключительно народу Дальнего Востока и осуществлялась через выборных представителей.

Большое значение имели положения, закрепляющие принцип разделения властей и устанавливающие систему «сдержек и противовесов». Так, законодательную власть осуществляло Народное собрание, оно же и выполняло контроль над избираемым им Правительством — постоянно действующим высшим органом власти, имеющим право принимать законы в период между сессиями Народного собрания. Исполнительная власть была представлена в лице Совета министров и отраслевых министерств. Осуществление судебной власти было возложено на Политический

кассационный суд, в состав судебной системы также входили выборные народные суды, которые вершили правосудие на местах [13].

Политические институты Дальневосточной республики во многом можно было считать более эффективными, чем в «материнском государстве». Демократичный и правовой характер Конституции ДВР, а также реализация её основополагающих принципов смогли соответствовать сложившимся историческим условиям и способствовали выражению воли широких слоёв населения Дальнего Востока, сплочению всех патриотических сил края в целях борьбы с интервенцией и белогвардейцами, а также реализации стоящих перед буфером важных стратегических задач.

При государственном строительстве Маньчжоу-Го в качестве базы использовалось китайское законодательство в той мере, в какой оно отвечало требованиям нового внешнеполитического курса Японии. При этом особое значение приобретали не только нормативные акты и прецедент, но также правовые традиции и общие принципы права, среди которых вышеупомянутый принцип «Ван-Дао» (государственный закон «должен основываться на велении Неба» [14, с. 226], а значит, соответствовать истинной воле народа).

Рис. 13. Юань Маньчжоу-Го — официальная валюта государства Маньчжоу-Го с июня 1932 по август 1945 г.

Первоначально именно республиканская модель предлагалась как форма государственного устройства Маньчжоу-Го, однако Пу И смог убедить командование Квантунской армии в необходимости сохранения монархического правления, привычного для сознания народа [15, с. 154]. 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было провозглашено монархией.

Закон «Об организации государственного управления» являлся основополагающим нормативно-правовым актом и учреждал государственную структуру и круг полномочий органов власти. Во главе структуры управления конституционной монархией стояла фигура императора, в руках которого сосредотачивалась вся полнота власти. Представительная власть принадлежала специально созданному органу — Законодательной палате. Особое место занимал совещательный орган — Государственный Совет. Исполнительную власть осуществляла Административная палата во главе с премьер-министром, в неё входили различные министерства и бюро. Судебная система состояла из Верховного суда, высших судов провинций и местных судов [15–17]. И хотя принцип «разделения властей» отсутствовал в нормативной базе Маньчжоу-Го, полномочия различных органов не пересекались благодаря их функциональному разделению.

Значимой фигурой в аппарате управления являлся главнокомандующий Квантунской армией, по совместительству занимающий должность чрезвычайного и полномочного посла Японии, которому подчинялись военные люди и японские чиновники, занимающие высшие должности в государственном аппарате. Следует отметить, что на высшие посты активно назначались и маньчжуры, такой принцип формирования правительства имел цель показать, что управление основано на инициативе всего народа при непосредственном его участии.

Японскому руководству удалось сформировать достаточно эффективную систему управления оккупированных территорий с централизованным управлением, которая позволила Маньчжоу-Го, во-первых, придать законность военной экспансии на территории Китая и внешне замаскировать марионеточный режим, во-вторых, активно проводить внешнюю политику, укрепляя свои позиции на Дальнем Востоке, в том числе путем военных действий с сопредельными государствами.

Внутренняя политика ДВР и Маньчжоу-Го, а также своеобразие системы госорганов были обусловлены особой природой данных государственных образований, в которой сочетались принципы и устои государств-покровителей, а также атрибуты

суверенных государств и правовые механизмы, необходимые для выполнения поставленных перед ними задач.

Важным аспектом исследования государственных образований является вопрос их самостоятельности, которая, конечно, была ограничена. Созданный советской властью буфер был призван прикрыть коммунистическую политику демократически-буржуазной ширмой. ДВР с её территориями, которые были разорены военными действиями, в своей основе опиралась на экономический потенциал РСФСР и находилась под политическим и экономическим влиянием Советской России.

Политический курс Маньчжоу-Го определялся Японией и Квантунской армией. Сформированный государственный аппарат исключал возможность принятия собственных решений, а само по себе государственное образование рассматривалось японскими милитаристами как плацдарм для воплощения в жизнь экспансионистских планов, в том числе военных (бои у оз. Хасан (1938 г.), у реки Халхин-Гол (1939) [18; 19]).

Как отмечалось выше, с правовой точки зрения, к «непризнанным» следует отнести государства, не получившие дипломатического признания со стороны других стран, а значит, не имевшие возможности быть полноценными субъектами международного права. Чтобы укрепить свои геополитические позиции и занять устойчивое положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе, ДВР необходимо было установить дипломатические отношения с ведущими странами. Огромное значение приобретало налаживание связей с Китаем, который в глазах Москвы вполне мог претендовать на роль антиимпериалистического союзника, что объяснялось близостью границ и развивающимся коммунистическим движением в стране.

Правительство Китая также выражало большой интерес к только что созданному государству, и уже в апреле 1920 г. делегация из Китая нанесла визит в Дальневосточную республику. Это были первые шаги на пути построения дружественных связей, во время которых обсуждались вопросы о Китайской-Восточной железной дороге (КВЖД) и торговых отношениях [20, с. 22].

Следует отметить неоднозначный характер проводимой Китаем политики по отношению к ДВР и РСФСР. Причина этого кроется в непризнании суверенитета буферного государства. МИД Китая в ответ на деятельность миссии, направленной в июне 1920 г. Дальневосточной республикой во главе с будущим министром иностранных

дел И.А. Юриным, сообщал, что признанию ДВР мешает влияние и вмешательство иностранных держав [21, с. 110].

Краеугольным камнем лежал в отношениях ДВР и Китая вопрос принадлежности и регулирования КВЖД. Настороженность китайского правительства вызывало указание в Декларации об образовании Дальневосточной республики на то, что полоса отчуждения КВЖД входит в состав её территорий, а также давление иностранных держав, которые намеривались использовать КВЖД в военных целях [21, с. 110].

Со стороны РСФСР неоднократно предпринимались попытки установить совместное управление дорогой, но однозначного решения так и не удалось достичь. Однако благодаря миссии Дальневосточной республики в феврале 1921 г. было образовано представительство ДВР с резиденцией в Харбине, которым руководил Особоуполномоченный Дальневосточной республики Э.К. Озарин [20, с. 22]. Стремление властей в этом регионе было направлено к недопущению антисоветской деятельности. Большевики распространяли там агитационную литературу, возвращали на родину солдат и офицеров белой армии, защищали политические интересы РСФСР и ДВР, а также занимались торгово-экономическими вопросами. По некоторым данным полоса отчуждения КВЖД размещала до 4 тыс. чел. русскоязычного населения [21, с. 111]. Здесь функционировали китайские суды и полиция.

Развивались и торгово-экономические отношения на уровне регионов и на границе, в рамках которых правительство ДВР заключало договоры с китайскими купцами, которые скупали пушнину и золото. Известно, что в 1920–1921 гг. через Сахалин в Китай было вывезено пушнины на сумму 200 тыс. руб., её скупали на территориях Прибайкалья, Забайкалья, Камчатки и Чукотки [22, с. 54]. В этот период наибольшего размаха достиг контрабандный товарооборот, который по некоторым подсчетам был определен суммой 20–24 млн руб. в год⁴. Несмотря на то, что торговые связи были ограничены и носили транзитный характер, были сделаны значительные шаги Дальневосточной республики на пути преодоления экономической блокады в АТР.

И хотя РСФСР являлась единственной страной, официально признавшей Дальневосточную республику, фактически контакты в торговой и экономической сфере были установлены путем заключения торговых и концессионных договоров с рядом иностранных фирм.

Большого успеха в вопросах международного признания удалось добиться Маньчжоу-Го. Несмотря на то, что Лига Наций ставила под сомнение правомерность существования Маньчжоу-Го и обращалась к странам, входившим в её состав с требованием не признавать данное политическое образование, многие иностранные державы продолжали поддерживать с непризнанным

⁴ URL: <http://istmat.info/node/22428>.

Таблица 3.

Сравнительная характеристика ДВР и Маньчжоу-Го

Показатель	ДВР	Маньчжоу-Го
Дата образования	6 апреля 1920 г.	1 марта 1932 г.
Дата прекращения существования	15 ноября 1922 г.	19 августа 1945 г.
Период существования	2 года, 7 месяцев	13 лет, 5 месяцев
Предпосылки образования	Необходимость восстановления народного хозяйства страны. Угроза натиска со стороны Японии и создание дальневосточных территорий под её протекторатом. Необходимость выхода из международной изоляции и налаживания дипломатических связей с развитыми странами. Реализация идеи Мировой революции	Создание плацдарма для военных и политических действий в АТР. Необходимость защиты от коммунистического движения; придание законности военной экспансии в Маньчжурии. Реализация идеи о панasiatском государстве
Форма правления	Парламентская республика	Конституционная монархия
Численность населения	1 860,8 тыс. чел.	30 880,0 тыс. чел. [24]

государством экономические связи и сохраняли свои консульские учреждения на его территории. Сальвадор и Ватикан оказались в числе первых государств, признавших Маньчжоу-Го де-юре, позднее к ним присоединилось ещё 21 государство [23].

Довольно интересно развивались советско-маньчжурские отношения. Советская власть стремилась обезопасить свои границы, имущество советских граждан и разрешить вопросы управления на пограничных реках и КВЖД, проходившей по территории Маньчжоу-Го, и поэтому приняло решение открыть консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске и Чите.

Нестабильность и провокационная политика японских и маньчжурских властей в зоне КВЖД вызвали острую необходимость в скорейшем разрешении данного вопроса. В результате долгих переговоров 23 марта 1935 г. было подписано соглашение о продаже КВЖД Маньчжоу-Го и вопрос принадлежности дороги, которому в своё время большое внимание уделяло правительство ДВР, был разрешён.

Заключение

Существование таких политических феноменов как ДВР и Маньчжоу-Го на геополитическом пространстве Тихоокеанского региона XX столетия оставило заметный след не только

в российской, но и мировой истории, а также вызвало пристальный интерес субъектов международных отношений. Их короткие политические судьбы тесно переплетаются, ведь кроме того, что Дальневосточную республику можно считать неким прообразом созданного японскими военными силами государственного образования на территории Маньчжурии, провозглашение данных образований можно обозначить как некий дипломатический маневр, который являлся альтернативой военным действиям и способствовал мирному регулированию сложнейших задач. Внешне ДВР и Маньчжоу-Го обладали всеми признаками государственности, среди которых – территория, население, развитая система управления, законодательная база, вооруженные силы. Однако очевидно, что их создание – результат дипломатических игр метрополий, в чьих руках и были сконцентрированы все нити управления данными территориями. ДВР и Маньчжоу-Го вполне справедливо можно отнести к категории «непризнанных государств», поскольку они не играли самостоятельной роли на международной арене и не добились официального признания международного сообщества, однако их государственный опыт и уникальный исторический путь заслуживает пристального научного изучения.

Список использованной литературы

1. Суходолов А.П. Внешнеэкономическая и внешнеторговая деятельность Сибири в дореволюционный период / А.П. Суходолов // Историко-экономические исследования. — 2008. — Т. 9, № 1. — С. 107–127.
2. Шалак А.В. К вопросу о политической и правовой реабилитации А.В. Колчака: историко-геополитический контекст / А.В. Шалак. – DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).2 // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 2. — URL: <http://brj-bguen.ru/reader/article.aspx?id=21458>.
3. Старики И.В. Исторический опыт конституционного строительства непризнанного государства (на примере Конституции ДВР 1921 г.) / И.В. Старики. — DOI: 10.7256/2409-868X.2017.1.17450 // Genesis: исторические исследования. — 2017. — № 1. — С. 18–30.
4. Суходолов А.П. История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квази-государство? / А.П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин, М.П. Рачков // Российско-китайские исследования. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 102–107. — Рец. на кн.: Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П.Н. Дудин, В.В. Досовицкая. Л.В. Курас [и др.] ; науч. ред. Б.В. Базаров. — Иркутск : Оттиск, 2016. — 254 с.
5. Азаренков А.А. Внешнеполитический контекст политики «буферизма»: марионеточное дальневосточное государство-«буфер» как геополитическая игра большевистской России / А.А. Азаренков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2009. — № 2. — С. 60–66.
6. Азаренков А.А. Большевистский марионеточный «буфер» в Прибайкалье и провозглашение Дальневосточной республики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2009. — № 1. — С. 108–116.
7. Караева К.А. Маньчжоу Го (1931-1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке / К.А. Караева // Уральское востоковедение. — 2005. — Вып. 1. — С. 75–89.

8. Добронравин Н. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации / Н. Добронравин : препринт М-21/11. — Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. — 56 с.
9. Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья / А.Г. Большаков // Международные процессы. — 2007. — Т. 5, № 3 (15). — С. 83–88.
10. Большаков А.Г. Непризнанные государства постсоветского пространства в системе российских национальных интересов / А.Г. Большаков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2008. — Т. 4, № 1. — С. 180–197.
11. Шарапов А.К. Геополитическое пространство — анализ содержания категории / А.К. Шарапов // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012. — С. 41–47.
12. Шалак А.В. Российская революция 1917 года в региональном преломлении: проблемы познания / А.В. Шалак. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(2).300-307 // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 2. — С. 300–307.
13. Сонин В.В. Государство и право Дальневосточной республики (1920–1922 гг.) : монография / В.В. Сонин. — 2-е изд., испр., доп. — Владивосток : Дальнаука, 2011. — 294 с.
14. Дудин П.Н. Правовые акты Маньчжоу-Го и Мэнцзяна: сравнительный анализ / П.Н. Дудин, З.Ф. Хусаинов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 3. — С. 224–238.
15. Усов В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906-1967) / В.Н. Усов. — Москва : Олма-Пресс, 2003. — 413 с.
16. Бригадина К.А. Организация управления государством Маньчжоу-го / К.А. Бригадина // Уральское востоковедение. — 2013. — Вып. 5. — С. 32–36.
17. Дудин П.Н. Правовая основа деятельности органов государственной власти Маньчжоу-го / П.Н. Дудин // Власть. — 2015. — Т. 23, № 11. — С. 176–180.
18. Кузьмин Ю.В. Новая трактовка истории войны на Халхин-Голе в 1939 г. или субъективный взгляд исследователя? / Ю.В. Кузьмин. — DOI: 10.17150/23082588.2019.20(1).109-123 // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 109–123.
19. Кузьмин Ю.В. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май-сентябрь) как начало второй мировой войны / Ю.В. Кузьмин, М.П. Рачков, А.П. Суходолов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 2 (6). — С. 74–96.
20. Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между Советской Россией и Китаем, 1917-1924 гг. // Г.Н. Пескова // Новая и новейшая история. — 1997. — № 4. — С. 105–135.
21. Пограничные войска СССР. 1918-1928 : сб. док. и материалов / предисл. Ю.И. Кораблева, А.И. Чугунова ; сост. Е.Д. Соловьев. — Москва : Наука, 1973. — 928 с.
22. Орнацкая Т. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920-1922 гг.) / Т. Орнацкая, Ю. Ципкин // Россия и АТР. — 2007. — № 3. — С. 17–26.
23. Корниенко В.В. Влияние создания Маньчжоу-го на систему международных отношений на Дальнем Востоке / В.В. Корниенко. — URL: http://iubpe.sfu-kras.ru/assets/content/files/1455098670_Kornienko_V.V._2.pdf.
24. Курас Л.В. СССР — Маньчжоу-Го: «еврейский вопрос» по обе стороны границы (1934-1941 гг.) / Л.В. Курас // Известия ИГУ. Серия: История. — 2016. — Т. 17. — С. 89–99.

References

1. Sukhodolov A. P. Economic and Trade Activities in Siberia in the Pre-revolutionary Period. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2008, vol. 9, no. 1, pp. 107–127. (In Russian).
2. Shalak A.V. On Issue of Political and Legal Rehabilitation of AS.V. Kolchak: a Historical and Geopolitical Aspect. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 2. DOI: 10.17150/24116262.2017.8(2).2. (In Russian).
3. Starikov I.V. Historical Experience of Constitutional Structuring of the Unrecognized State (on the Example of the Far Eastern Republic Constitution of 1921). *Genesis: istoricheskie issledovaniya = Genesis: Historical Research*, 2017, no. 1, pp. 18–30. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.1.17450. Available at: <http://brj-bgupe.ru/reader/article.aspx?id=21458>. (In Russian).
4. Sukhodolov A.P., Kuzmin Y.V., Rachkov M.P. The History of Manchuria and the State of Manchukuo: a Puppet State or a Quasi-State? *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 102–107. (In Russian).
5. Azarenkov A. The Foreign-policy Context of the «Bufferism» Politics: The Puppet Far-Eastern «Buffer-State» as a Geopolitical Game of Bolshevik's Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2009, no. 2, pp. 60–66. (In Russian).

6. Azarenkov A. Bolsheviki 'Puppet' «Buffer» in Pribajkalje and the Proclamation of the Far Eastern Republic. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2009, no. 1, pp. 108–116. (In Russian).
7. Karayeva K.A. Manchukuo (1931-1945): «Puppet» State in the System of International Relations in the Far East. *Ural'skoe vostokovedenie = Ural Survey of Oriental Studies*, 2005, iss. 1, pp. 75–89. (In Russian).
8. Dobronravin N.A. *Nepriznannye gosudarstva v «seroi zone» mirovoi politiki: osnovy vyzhivaniia i pravila suverenizatsii* [Unrecognized States in the «Gray Zone» of World Politics: the Basics of Survival and Sovereignty Rules]. Saint Petersburg, European University at Saint Petersburg Publ., 2011. 56 p.
9. Bolshakov A.G. Non-Recognized States in European Borderlands. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2007, vol. 5, no. 3 (15), pp. 83–88. (In Russian).
10. Bolshakov A.G. Non-recognized States of the Post-Soviet Space in System of the Russian National Interests. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEX*, 2008, vol. 4, no. 1, pp. 180–197. (In Russian).
11. Sharapov A.K. Geopolitical Area — the Category's Content Analyses. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Transbaikalian State University Journal*, 2012, no. 6 (85), pp. 41–47. (In Russian).
12. Shalak A.V. Russian Revolution of 1917 from the Regional Perspective: Perception Issues. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 2, pp. 300–307. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(2).300-307. (In Russian).
13. Sonin V.V. *Gosudarstvo i pravo Dal'nevostochnoi respubliki (1920–1922 gg.)* [State and Law of the Far Eastern Republic (1920-1922)]. 2nd ed. Vladivostok : Dal'nauka Publ., 2011. 294 p.
14. Dudin P.N., Khusainov Z.F. Legal Acts of Manchukuo and Mengjiang: Comparative Analysis. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2017, no. 3, pp. 224–238. (In Russian).
15. Usov V.N. *Poslednii imperator Kitaya. Pu I (1906-1967)* [The Last Emperor of China. PU Yi (1906-1967)]. Moscow, Olma-Press Publ., 2003. 413 p.
16. Brigadina K.A. Organization of the Government of Manchukuo. *Ural'skoe vostokovedenie = Ural Survey of Oriental Studies*, 2013, iss. 5, pp. 32–36. (In Russian).
17. Dudin P.N. The Legal Basis of Activity of Governmental Bodies of Manchukuo. *Vlast' = Power*, 2015, vol. 23, no. 11, pp. 176–180. (In Russian).
18. Kuzmin Yu.V. A New Interpretation of the History of the Battle of Khalkhin Gol in 1939 or a Subjective Assessment of the Researcher? *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 1, pp. 109–123. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).109-123. (In Russian).
19. Kuzmin Y.V., Rachkov M.P., Sukhodolov A.P. War on Halkhin-Gol of 1939 (May-September) as the Beginning the Second World War. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2014, no. 2 (6), pp. 74–96. (In Russian).
20. Peskova G.N. Formation of Diplomatic Relations Between Soviet Russia and China, 1917-1924. *Novaya i noveishaya istoriya = Modern and Current History Journal*, 1997, no. 4, pp. 105–135. (In Russian).
21. Korablev Yu.I., Chugunov A.I., Solovyov E.D. (eds). *Border Troops of the USSR. 1918-1928*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 928 p.
22. Ornatskaya T., Tsipkin Yu. Relations Between Far Eastern Republic and China (1920-1922). *Rossiia i ATR = Russia and the Pacific*, 2007, no. 3, pp. 17–26. (In Russian).
23. Kornienko V.V. *Influence of the Creation of Manchukuo on the System of International Relations in the Far East*. Available at: http://iubpe.sfu-kras.ru/assets/content/files/1455098670_Kornienko_V.V._2.pdf. (In Russian).
24. Kuras L.V. USSR — Manchukuo: the «Jewish Question» on Both Sides of the Border (1934-1941). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History*, 2016, vol. 17, pp. 89–99. (In Russian).

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, первый проректор — проректор по науке, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, г. Иркутск, e-mail: rector@bgu.ru

Лебедева Алина Витальевна — помощник проректора по науке, Байкальский государственный университет, Российская Федерация, Иркутск, e-mail: science@bgu.ru

有关作者的信息

Sukhodolov A.P. — 经济学博士，教授，第一任主管科研的副校长；贝加尔国立大学，俄罗斯联邦，伊尔库茨克，电子信箱：rector@bgu.ru

Lebedeva A.V. — 主管科研的副校长的助理，贝加尔国立大学，俄罗斯联邦，伊尔库茨克，电子信箱：science@bgu.ru

Authors

Alexander P. Sukhodolov — D.Sc. in Economics, Professor, First Vice Rector — Vice-Rector for Research, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: recto@bgu.ru

Alina V. Lebedeva — Vice-Rector Assistant, Baikal State University, Irkutsk; e-mail: science@bgu.ru

Для цитирования

Суходолов А.П. ДВР и Маньчжоу-Го: исторические параллели / А.П. Суходолов, А.В. Лебедева // Российско-китайские исследования. — 2019. — Т. 3, № 3. — С. 40–53. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).40-53.

For citation

Sukhodolov A.P., Lebedeva A.V. FER and Manchzhou-Go: Historical Parallels. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 40–53. (In Russian). DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).40-53. (In Russian).